ДОН КИХОТ, ВЕК ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Подобное было не раз и не два:
В шута превращали атланта,
Мельчали идеи, сгнивали слова,
На бойню вели Росинанта.

Мы воду несём — а в руках
решето,
На сердце тревога и смута;
Но те, кто не верят уже ни во что,
Стремятся поверить кому-то.

В чужих подсознаньях, как в
рощах, брожу
(Порой — как по минному
полю),
Любым дорожу, за любого
дрожу, —
И лишь помыкать не позволю.

Мы будем стараться. Читая
Басё,
Терпенье и время откроем…

Меняется всё. Заменяется всё.
Дай Бог не меняться героям.

ТЕНОРУ

Вновь в бою вокальный спецназ,
Слава свету!
Восхвалять в миллионный раз —
Смысла нету,
Ведь убог дифирамб любой,
Как уродец.
Оставайтесь самим собой,
Полководец.

Удержите, друзья, мою
Горе-крышу!
Я исправно во фрунт встаю,
Вечно слышу
То ли арию, то ли гимн
Небывалый,
И возносится георгин
Нотой алой.

СОЧУВСТВЕННЫЙ РОМАНС

Прошуми ты, речь моя, спелым
колосом,
Будь смела, не утаив ничего.
Жил певец-музыковед с низким
голосом,
Поголовно все влюблялись в
него.

Ум и воля не любого обрадуют:
Слабонервных устрашают они.
Вы с добром к ним — они в
обморок падают!
Или стонут: «О, Мессия,
взгляни!»
Да не надо ему вскриков
молитвенных,
Экстатически заломленных рук!
Без того душа в рубцах вся да
в рытвинах,
Так ещё и эти вопли вокруг…

Я умею всем вручать по букетику,
Но вложу, свой укрощая огонь,
Белой лилией расцветшую этику
В чуть дрожащую стальную
ладонь.

ФИЗИЧЕСКИ

Високосного года неспешный
рассказ,
Чей-то взгляд оловянный…
Вам физически больно. Вот
прямо сейчас,
В этот миг окаянный.

Хоть столичный бомонд и
плебейская глушь
Верещат малахольно, —
Вас не тянет испить ни из чаш,
ни из луж:
Вам физически больно.

Хоть сверкают глаза, хоть
поётся «Mein gott»
Океанам и почвам, —
Вам физически больно. Седьмой
уже год.
Я не в силах помочь Вам.

Вы стоите, как стоик, а чуть в
стороне
Слышен шёпот фискальный.
И физически больно становится
мне,
Мой близнец зазеркальный.

ДВОЕ

Требовать и дарить,
Скромничать и царить —
Право на всё имею.

Ёрничать, узнавать,
Вольничать, уставать
Лучше тебя умею.

В стружках и отрубях,
В таинствах и скорбях —
Здесь ты недосягаем.

Оба мы — Дева-Мать!!! —
То, что пора сломать,
Трепетно сберегаем.

НЕПРОСЯЩИЕ

Понимая, что всех нас когда-либо бросят
В соответствии с книгой аббата Прево,
Бродят торными тропами те, кто не просят
Ни звонков, ни любви — вообще ничего.
Чистым играм верны до последнего гейма,
Среди гвалта они милосердно молчат,
А на душах у них — золотистые клейма,
По которым такие же их отличат.

Их не ждёт Неверлэнд, не чарует Малхолланд,
И уж если им надо до цели дойти —
Ни алкаш, ни маньяк, ни рекламщик, ни Воланд
Не рискнут останавливать их на пути.
Поддержать, повоспитывать, даже понянчить —
Могут. Ласково хлеб тебе в руку кладут.
Запрещается ныть. Запрещается клянчить.
Ибо «сами предложат и сами дадут».

ПРО НАС

Три тысячи тел теребят его дух,
Назойливо нюня;
Он красная дата, пронзившая слух, —
Второе июня.
Плюющая смачно в страстишек желе,
Излишне живая,
Я шагом широким по злобной земле
Хожу, не желая
Ни падать к ногам, ни водить кумовство,
Ни чавкать с элитой.
Я ветвь, воскрешённая кровью его,
В меня перелитой.
Серебряно скалится Гончего Пса
Роскошная морда.
Дерусь, хохочу и гляжу в небеса.
Люблю тебя гордо.

НА КРОВИ

Надобен толк, и надобен след —
Дивный притом, раз уж время потрачено.

Но от Хеопса до нынешних лет
Всякое чудо кровью оплачено.

Так и талант, что вихря
вольней,
Горше полыни, страшней
зверояще́ра,
Не пощадит нас, к Голгофе
своей
Приговорив любого творящего.

Странностей яркая скорлупа,
Фатум избранника, шрам «не
таковского» —
У Микеланджело и Петипа,
У Левитана и Маяковского.

Кровью не плотской, сидя в
тиши,
Можно истечь без креста и
палачества;
Кровоточивость великой души —
Это её главнейшее качество.

Но поутру по алой заре,
Занавес туч отодвинув
свисающий,
Гений пошастает, как во дворе,
Непобедимый и воскресающий.